

Идея евразийства в контексте осознания цивилизационной идентичности в русской философии конца XIX – начала XX вв.

И.М. Клецкова

В русской философии конца XIX – начала XX века нашли свое отражение формы освоения опыта соседства с восточными культурами, которые становятся остроактуальными, поскольку именно в это время в России складывается смысловые координаты осознания собственной уникальности, осуществляются активные поиски источников конструирования цивилизационной идентичности.

Необходимо отметить две, как минимум, сложившиеся стратегии осознания опыта и перспектив взаимодействия европейского и восточного (азиатского) топоса. *Первая стратегия* отсылает нас, скорее, к метафизическим построениям, имеющим характер первичного анализа цивилизационной специфики Востока и Запада и носящим, по преимуществу, оценочный характер. Еще в 1836 году в «Философических письмах» П.Я. Чаадаев высказывал мысль о том, что самоопределение цивилизационной принадлежности русской культуры, которое для самого философа исчерпывающим образом выражается в целостном недифференцированном «мы», «нас», «нам», возможно через сравнение с европейской и восточной цивилизациями. Он предполагал, что, «раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [6, с.28]. При этом разум понимается как важнейшее свойство Запада, а воображение – ключевое качество Востока.

Интерес представляет модель понимания перспектив взаимодействия Европы и Азии, предложенная в работе В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Будучи скорее историком, этнографом, славистом, чем академическим философом, он, тем не менее, создает собственную модель взаимодействия Европы и Азии на примере России, усматривая в особом географическом и природном ландшафте страны возможности формирования особого типа цивилизационной целостности. В.И. Ламанский обращает внимание на то, что Россия представляет собой уникальный пример соединения Европы и Азии. Именно на этих территориях сформировались наиболее значительные племена, несущие в себе зачатки великих цивилизаций. Здесь сформировались «три великие отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и культурно-историческими особенностями» [1, с.2]. Описывая «собственно Европу» и «собственно Азию» в их, так сказать, рафинированных версиях, В.И. Ламанский предлагает использовать понятие «Средний мир». Это не настоящая Европа и не настоящая Азия, а то, что соединяет в себе черты той и другой, сохраняя при этом лучшее и от Европы, и от Азии. При этом «русская Азия» – по сравнению с не-русской – имеет неимоверно большой природный и пространственно-географический

потенциал, непосредственно примыкает к самой России – ее географическому центру, что позволяет ей стать – и она уже ею становится – местом, где могут расселиться миллионы русского народа. Таким образом, она станет не местом, где процветает эксплуатация и насилие, а родиной и отечеством для переселенцев из европейской России. При этом мир собственно азиатский, Восток, описывается автором во вполне узнаваемых европоцентристских смысловых координатах, как представляющий «картину полного духовного истощения и упадка или самой неотесанной грубости» [1, с.10] или как «непоправимая грубость и одичалость» [1, с.17]. Факторы, которые должны способствовать консолидации европейско-азиатского пространства России, разнообразны. Из наиболее важных В.М. Ламанский называет наличие единого языкового пространства (и как результат администрирования, и как условие приближения к образованности, понимаемой, как европейская образованность), доминирование – количественное и идейное (этническое и конфессиональное) славянских православных народов, что обеспечивает почву для культурного и политического единства. Еще один аргумент в пользу возможности формирования нового типа культурного единства – анализ географических особенностей, а именно, отсутствие географических ландшафтных преград, способных воспрепятствовать освоению единого пространства.

В. Ламанский, находясь в плену традиционных для XIX века представлений о Востоке, осуществляет радикальное изменение взглядов на цивилизационную сущность России, обозначая в качестве значимой ее компоненты азиатские народы. При этом, правда, утверждается, что значимость русской Азии (в отличие от не-русской) возможна лишь за счет наличия России европейской, которая доминирует – в идейном и образовательном аспектах – над Азией и постепенно будет передавать ей свои ценности (читаем – русифицировать). Собственно, образ Азии, сконструированный в работе В.И. Ламанского, ее типологические черты и историческая динамика, с одной стороны, соответствует геополитическим программам России конца XIX века, но, с другой стороны, что особенно важно, предлагает новый образ евразийской цивилизации, с особой остротой обсуждаемый сегодня.

Вторая стратегия осознания опыта и перспектив взаимодействия европейского и восточного (азиатского) семантического и природного пространства возникает уже, как специфическая реакция на изменившиеся политические обстоятельства, и, хотя обнаруживает во многом созвучие с русской интеллектуальной традицией XIX века, может быть уже расценена, как своеобразный геополитический и идеологический проект. Сформировав идейное ядро своей концепции в 20-х годах XX века, «евразийцы с их резкими нападками на всю западную культуру в целом поставили новые акценты во внутрироссийском споре» [2, 24]. Евразийцы в лице Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, оценивая результаты политической динамики России после Великой Октябрьской социалистической революции, говорят о естественности (с точки зрения путей развития России) идеологической

переориентации нового большевистского правительства на союз с Азией. Н.С. Трубецкой замечает, что новой власти удастся избежать «высокомерного тона европейской империалистической страны, "цивилизующей" каких-то "варваров", что они стараются внушить этим народам сознание естественной культурной солидарности России и Востока» [4].

Евразийцы прибегают к анализу европейской цивилизации и описывают ее с позиций критики европоцентризма, предполагая, что перемещение культурных центров происходит в направлении России-Евразии и Северной Америки. Для П.Н. Савицкого образ России представляется, как территориальный центр «Старого Света, как сопряжение экономических "Европы" и "Азии", как "Евразии" не только в общеисторическом и общекультурном, но хозяйственно-географическом смысле. Держава Российская, в ее современных пределах, есть в обозримой потенции не просто частица Старого Света, но некоторое уменьшенное воспроизведение его совокупности» [3]. Показательно, что евразийцы используют органицистские метафоры для обоснования своей точки зрения. В равной степени значимыми в их понимании являются и природные факторы – ландшафт и климат.

Дополнительные аргументы в пользу оправданности евразийского проекта русские мыслители этого периода видят в общности исторических судеб и в сильном влиянии «туранского элемента» на формирование культурных ценностей русского народа. Так, Н.С. Трубецкой задается вопросом: «если в Московской Руси туранская по своему происхождению государственность и государственная идея оправославились, получили христианское религиозное освящение и идеологически связались с византийскими традициями, то возникает вопрос: не произошло ли одновременно и обратного явления, т.е. известной "туранизации" самой византийской традиции и проникновения черт туранской психики в саму русскую трактовку православия?»[5]. Ответ на поставленный вопрос видится философу в обнаружении сходных черт религиозной психологии, которые роднят две культурные традиции.

Литература

1. Ламанский, В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. / В.И. Ламанский. - СПб., 1892. - 137 с.
2. Люкс, Л. Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» / Л. Люкс // Вопросы философии.- 2003. - № 7. - с. 23-34.
3. Савицкий, П.Н. Степь и оседлость. / П.Н. Савицкий // Gumilevica – Гипотезы, теории, мировоззрение [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm>. - Дата доступа: 27.10.2013.
4. Трубецкой, Н. С. Наш ответ: евразийство и белое движение. / Н.С. Трубецкой // Gumilevica – Гипотезы, теории, мировоззрение [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns17.htm>. - Дата доступа: 27.10.2013.

5. Трубецкой, Н. С. О туранском элементе в русской культуре. / Н.С. Трубецкой // Gumilevica – Гипотезы, теории, мировоззрение [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm>. - Дата доступа: 27.10.2013.
6. Чаадаев П.Я. Философические письма / П.Я. Чаадаев. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 655 с.